

ДЕВОЛЮЦИОНИСТ ЭМАНСИПАТРИКС

Гомер Эон ФЛИНТ

Ранняя Научная Фантастика

Гомер Эон Флинт

Денис Геннадьевич Балонов

Деволуционист Эмансипатрикс

**Серия «Золотой фонд
фантастики», книга 20**

Серия «Ранняя зарубежная фантастика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69783379

SelfPub; 2024

Аннотация

"Деволуционист и Эмансипатрикс" – это вторая книга о межпланетных путешествиях доктора Кинни и его команды, продолжение книги "Повелитель смерти и Королева жизни". В "Деволуционисте" космические путешественники экспериментируют с венерианскими методами телепатического космического путешествия. Они покидают нашу солнечную систему, чтобы открыть и исследовать похожую на землю планету Капеллетт звезды Капелла. В "Эмансипатрикс" они отправляются на планету Санус звезды Арктур. В обоих уникальных мирах они оказываются втянутыми в борьбу и вызовы обитателей этих миров. Герои книги постоянно сталкиваются с дилеммами – помогать или нет жителям планет, а если помогать – то кому?

Содержание

Деволюционист	4
Глава VIII. Высший свет	58
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Гомер Эон Флинт Деволюционист Эмансипатрикс

Деволюционист

Глава

I

. Не в себе

– Помните – не издавайте ни звука, что бы вы ни увидели!

Миссис Кинни с тревогой взглянула на посетителя, когда они остановились перед дверью. Его взгляд расширился от ее предостережения, но он лишь коротко кивнул. Она повернула ключ в замке.

В следующую секунду оба тихонько вошли в комнату. Миссис Кинни осторожно закрыла и заперла за ними дверь, а мужчина тем временем, внимательно вглядываясь в полумрак помещения, разглядел настолько странную сцену, что почти забыл о предостережении женщины.

Это был личный кабинет доктора Уильяма Кинни. Сама по себе она ничем не выделялась из общего ряда. Полки с книгами, ящики с хирургическими и психологическими приборами, звездные карты, схемы и астрономическая аппа-

ратура – все это говорило одновременно и о призвании, и об увлечении человека. При таком наполнении и довольно строгой обстановке комната была просто интересной, но не примечательной.

А вот четыре кресла, безусловно, представляли интерес. В каждом из них сидел человек, и когда миссис Кинни и ее собеседник вошли в комнату, никто из них не шелохнулся. Все они были погружены в сон.

В ближайшем кресле полусидел-полулежал сам доктор; в общем, все четверо спящих находились в состоянии полной расслабленности. Седая голова доктора устало покоилась на одном плече.

Слева от него сидел мужчина среднего роста с обычным лицом.

– Мистер Смит, – прошептала миссис Кинни, приложив рот к уху собеседника, чтобы он лучше слышал.

Напротив них сидели мужчина и женщина, их стулья стояли близко друг к другу. Первая – стройная, хорошо одетая, по-мальчишески симпатичная молодая женщина лет тридцати, второй – крупный, агрессивно-красивый мужчина лет на пять постарше.

– Мистер и миссис Ван Эммон, – пояснила миссис Кинни, все так же шепотом.

Все четверо сидели абсолютно неподвижно; присмотревшись, он с трудом уловил, как поднимаются и опускаются их грудные клетки при дыхании. Кроме того, он увидел, что все

они были связаны друг с другом изолированными проводками, которые шли к латунным браслетам на запястьях. В одной из точек этой любопытной цепи провод шел к небольшой группе электроприборов, установленных на подставке возле врача; еще большее недоумение вызвало то, что каждый из спящих опирался ногами на табурет, ножки которого, как и ножки каждого стула, были покрыты стеклянными наконечниками.

Через минуту после этого посетитель повернулся к миссис Кинни в полном недоумении, и та мгновенно отперла дверь и, вновь предупредив о полной тишине, вывела его в коридор. Здесь она снова заперла дверь. В этот момент из комнаты напротив вышел невысокий молодой человек с острыми серыми глазами и по кивку миссис Кинни направился к кабинету в качестве часового.

Спустившись вниз и оказавшись в гостиной, он сказал.

– Это очень некрасиво с вашей стороны, миссис Кинни! – запротестовал мужчина. – Расскажите мне все, как есть, и поскорее!

Дама невозмутимо уселась в кресло.

– Ну что ж, – невинно заметила она, – Я знала, что вы захотите его увидеть.

– Да, но...

– Это вам на руку, – беспечно продолжала она, – что вы так долго отсутствовали. Давайте посмотрим – вы ведь уехали год назад, в июне, не так ли, мистер Хилл?

Он сглотнул и сумел ответить:

– Да, с большими надеждами! Я пробыл в диких землях Новой Гвинеи целый год, не имея никаких новостей! Сегодня утром на борту дирижабля я увидел свою первую газету!

– Ну что ж, – провокационно прокомментировала миссис Кинни, – придется вам смириться, я полагаю.

Она долго размышляла, а затем вышла из комнаты, чтобы взять папку с газетами и журналами. Она неторопливо выбрала одну из них и открыла ее на первой статье. Но и после этого она не стала сразу отдавать ее в руки.

– Вы помните идею доктора о космическом корабле?

– Его аппарат для освоения космоса? Он не мог говорить ни о чем другом, когда я... вы же не хотите сказать, – недоверчиво произнес он, – что он добился успеха!

– Конечно, добился. В позапрошлом месяце он совершил трехнедельное путешествие к ближайшим планетам!

Хилл изумленно уставился на нее, затем резко наклонился вперед и выхватил журнал из пальцев миссис Кинни. Он держал газету дрожащими от волнения руками, и вот что он прочитал в черно-белом журнале "Научный новозеландец":

"Возвращение звездных исследователей

Доктор Кинни и его спутники посетили Венеру и Меркурий

Привезя доказательства, которые способны удовлетворить самых скептически настроенных людей, доктор Уильям Г. Кинни, Г. Ван Эммон, Э. Уильямс Джексон и Джон

В. Смит, покинувшие Землю 9 декабря на мощном космическом корабле конструкции доктора, вернулись 23-го числа, исследовав две планеты, расположенные между Землей и Солнцем.

Меркурий, как и Луна, оказался мертвым миром, за исключением того, что на нем когда-то существовала цивилизация, почти такая же развитая, как наша собственная. Они рассказывают о гигантском человеке, настоящем колоссе, который был последним выжившим на этой планете.

Но на Венере обнаружены еще живые люди! Это удивительно развитые существа, бесконечно более совершенные, чем жители Земли, и обладающие почти невероятной степенью цивилизации. Среди прочего, они научились посещать другие миры, не покидая своей планеты. Это происходит с помощью своеобразной телепатии, они знают все о нас, живущих на Земле, и накопили сведения о народах сотен тысяч других планет! Эти четверо исследователей способны доказать свои слова без тени сомнения. Они обладают фотографиями, которые говорят сами за себя; они привезли с Меркурия реликвии, а с Венеры – материалы, которых никогда не было на Земле. Они располагают обширной библиотекой необычайно современной научной литературы, которую им передали венерианцы".

Далее в статье на восьми-десяти страницах подробно описывались основные особенности исследования. Однако Хилл не стал дочитывать ее до конца. Он поднял глаза, и его

мысли устремились к странной сцене в комнате наверху.

– Что они делают – восстанавливаются?

– Не совсем.

Миссис Кинни выглядела немного разочарованной.

– Вот, позвольте мне указать на абзац.

И она провела пальцем по колонке, пока не указала на следующую строку:

"Кроме всего прочего, они научились посещать другие миры, не покидая своей планеты. Они делают это с помощью своего рода телепатии."

– Вот и все объяснение, – тихо сказала миссис Кинни.

Хилл удивленно моргнул, прочитав этот абзац.

– Они испытывают один из венерианских аппаратов?

– Конечно; вы же знаете доктора. Он не смог устоять перед соблазном. И я должна сказать, что и остальные не лучше.

– Мистер Смит заинтересован не меньше, чем мистер Ван Эммон. Мистер Смит – инженер-электрик; другой мужчина – геолог, причем очень энергичный. Что касается миссис Ван Эммон...

– Но в этой статье упоминается... – Хилл обратился к журналу, – Уильямс Джексон. Кем он был?

– Она, а не он. Теперь это миссис Ван Эммон; раньше она была архитектором. Она дурачила остальных троих в течение десяти дней, она выдавала себя за мужчину!

Но Хилл был слишком поглощен общей странностью происходящего, чтобы обратить внимание на эту удивительную

деталь. Он еще раз взглянул на статью, пару раз открыл рот, чтобы задать вопрос, каждый раз передумывал и, наконец, поднялся на ноги.

– Позвольте, я возьму это? – показал он на журналы.

Миссис Кинни передала остальную подборку.

– Я уверена, что доктор хотел бы, чтобы вы их прочитали. Я помню, он сказал перед отъездом, что хотел бы, чтобы вы поехали с ним.

– Правда? – обрадовался он.

Хилл сделал какое-то одобрителное высказывание под нос о "старом мошеннике и звездочете", а затем, явно торопясь уединиться и почитать, он извинился и вышел из дома.

Миссис Кинни вернулась к книге, которую читала, взглянула на часы и отметила, что уже почти наступил час, когда, как было условлено ранее, она должна была разбудить всех четверых наверху. Она отложила книгу и направилась к лестнице.

В этот момент в холле раздался звук большого гонга. В кабинете на лестнице рука доктора дернулась к кнопке. Он зашевелился в своем кресле, и в этот момент проснулись остальные трое. Сначала Ван Эммон, затем Билли, его жена, и, наконец, инженер.

В следующую секунду все четверо сидели, выпрямившись, и с интересом посмотрели друг на друга.

Глава

II

. Назад на Землю

– Поговорим о результатах! – первой заговорила Билли. – Как вы думаете, где я оказалась? Посреди океана, в маленькой лодке, с брызгами, летящими в меня, то есть в лицо...

Она прервалась, смутившись.

– Ваш агент? – вставил доктор.

Все, что Билли могла сделать, это кивнуть; Ван Эммон рвался заговорить.

– Моим агентом был парижский бандит, или я бездарь! Я не уловил всего, что происходило, но это определенно было похоже на чертежи и спецификации гарроты!

– У меня ничего подобного, – сказал Смит, но глаза у него блестели. – Я совершал обход с почтовым курьером. Как вы это объясните, док? Я никогда не задумывался о том, чтобы разносить почту.

– Это не имеет никакого отношения к делу. Что касается меня, то я смотрел глазами какого-то члена палаты представителей в Вашингтоне. Я узнал здание. В это время там проводилась регистрация.

Он сделал паузу, записывая этот случай, чтобы впоследствии сверить время с газетными отчетами. Затем он потер костяшки одной руки о ладонь другой – привычка, свидетельствующая о том, что в его голове идет анализ. Остальные ждали с нетерпением.

– Есть большая разница, – задумчиво прокомментировал он, – между этим опытом и нашими последними экспери-

ментами. Тогда каждый из нас точно знал, чего ожидать. У каждого в голове был определенный образ конкретного человека, когда он входил в телесознание. Это позволило нам сравнительно легко общаться так, как мы это делали, даже когда вы, – указывая на семейную пару, – были еще в Японии.

– Но сегодня никто из нас не имел ни малейшего представления о том, что нас ждет. Это если следовать установленным правилам. Вы, – обращаясь к Смигу, – позаботились о том, чтобы сконцентрироваться строго на одной единственной мысли о зрительном ориентире?

– Ни на чем другом. Я концентрировал свое внимание только на глазах и ушах, как написано в инструкции.

– То же самое, – ответила Билли за себя и за геолога.

– Тогда мы имеем следующее понимание – пока мы вчетвером соединены таким образом, – он поднял запястья с браслетами, – мы объединяем наши силы настолько, что нам не нужен определенный объект. Это просто сила слаженности.

Билли не терпелось поскорее закончить.

– Другими словами, ничто не мешает мне найти кого-то, пусть даже неизвестного мне, если мы вчетвером договоримся об одном и том же месте?

– Именно так. Если мы договоримся сосредоточиться даже на Гренландии, то найдем там четырех человек, чьи убеждения схожи с нашими. Главное – найти схожие точки зре-

ния.

По этому поводу возникла дискуссия, в ходе которой доктор пояснил, что точка зрения – это просто другое название перспективы, и она не имеет никакого отношения к реальным умственным свершениям. Точкой зрения на самом деле выступает душа.

– Пока же, – продолжал он, – мы не должны пытаться "поставить себя на место другого". Такие попытки требуют неистового напряжения воображения, и прежде чем браться за решение более сложных задач, нужно потренироваться.

– Через некоторое время можно будет наладить контакт с венерианцами. Среди них нет ни одного, кто имел бы точку зрения, подобную нашей. И как только мы это сделаем...

– Что? – задыхаясь, спросил Билли.

– Что угодно! Вся Вселенная будет открыта для нас! Я понял, читая эти книги, – он указал на венерианские рукописи, – что существует такое разумное существо, настолько непохожее на нас, что...

Он замолчал.

– Пока что, – быстро вставил слово Смит, – нам лучше довольствоваться чем-то знакомым. Есть ли в нашей солнечной системе какая-нибудь другая планета, которая бы подошла, док?

– Нет. По словам венерианцев, кроме Венеры и Земли, пригодны для жизни только Марс и Юпитер. И кажется, что люди на них настолько отличаются от людей...

– Мы не сможем получить ответ?

– Очень маловероятно. Кроме того, я переоборудовал куб для двухмесячного круиза. Больше всего мне хотелось бы лично посетить Марс и Юпитер.

– Но когда речь идет о том, чтобы совершенно покинуть Солнечную систему, телепатический метод – единственный, который может сработать, даже о ближайшей из неподвижных звезд не может быть и речи.

– Как далеко это? – поинтересовался Смит.

– Ближайшая? Около четырех с половиной световых лет.

– Да, но что такое световой год?

– Это в шестьдесят три тысячи раз больше, чем расстояние от нас до Солнца!

Смит присвистнул.

– О Кубе и говорить нечего, это точно. Кроме того, можем ли мы рассчитывать найти в окрестностях этой звезды людей, похожих на нас?

– Не на Альфе Центавра.

Доктор достал одну из венерианских книг и указал на некоторые страницы.

– Похоже, что звезды класса Па, то есть солнцеподобные, – единственные, у которых есть планеты в условиях, подходящих для развития человека. Впрочем, астрономы и так это подозревали. Но венерианцы точно назвали несколько систем, эволюция которых достигла уровня, почти совпадающего с земным.

– Теперь, пока мы не приобрели определенный уровень способностей, – более внимательно изучая книги, – наш максимум возможностей будет лежать в районе гигантской звезды, известной нам как Капелла.

– Капелла.

Билли придвинула к себе звездную карту.

– Где она находится?

– В созвездии Возничего, примерно на полпути от Ориона до Полярной звезды. Она представляет собой большое желтое солнце.

– Во всяком случае, венерианцы говорят, что на этой планете Капеллы живут почти такие же люди, как и на Земле, за исключением того, – произнес он очень отчетливо, – что их цивилизация насчитывает примерно на одно столетие больше!

Билли воскликнул от восторга.

– Лучшего и не придумать! Можно предположить, что мы увидим, какой будет Земля через сто лет!

Мгновенно заинтересованность Ван Эммона стала более острой.

– Клянусь Джорджем! Неужели это правда, док? Узнаем ли мы, что ждет нас в ближайшие сто лет?

– Точно не знаю. – сдержанно произнес доктор. – Это лишь то, что я понял из этих книг.

– Если так, – взволнованно продолжал геолог, – то мы увидим, как будут развиваться многие из наших сегодняшних

теорий! Мне интересно посмотреть, что из них получится. Лично я считаю, что большинство из них – полная чушь!

– Это еще предстоит увидеть.

Доктор огляделся по сторонам.

– Помните – нам нужна только позиция, а место – планетарная система Капелла. Готовы?

В ответ остальные откинулись в своих креслах. Доктор коснулся кнопки на боку, подавая сигнал своей жене; он устроился в кресле, и через минуту его голова опустилась на плечо. Еще через секунду сознание четырех экспериментаторов вышло из тела, вышло и в мгновение ока преодолело пространство с колоссальной скоростью.

Ведь мысль, как и гравитация, мгновенна.

Глава

III

. Блуждания разума Смита

Втайне Смит надеялся, что ему удастся найти агента, который был бы еще и инженером. Об этом он думал все время, пока повторял венерианскую комбинацию – последовательность мыслеобразов, необходимых для достижения требуемого состояния сознания. Благодаря этой комбинации сознание закрывалось для всех, кроме телепатической энергии, и широко открывались каналы, по которым она управляла мозгом.

Не успел он повторить эти действия, сосредоточившись всем усилием воли на единственной мысли – увидеть и услы-

шать, что происходит на неизвестной, но вполне познаваемой планете, – как голова его опустилась на грудь, и до него донесся странный звук.

Со всех сторон от скрытых аппаратов доносилось приглушенное звяканье и лязг. Можно было различить и различные шипящие звуки. А в это время Смит пристально смотрел глазами, которые он позаимствовал вместе с ушами, на пару человеческих рук.

Эти руки манипулировали группой отполированных рычагов и колес. Пока его взгляд был прикован к этой системе, Смит ничего не замечал вокруг. Все, что он мог предположить, – это то, что его агент управляет каким-то механизмом.

Затем агент поднял голову, и Смит испытал первый шок. Теперь он увидел скопление индикаторных циферблатов, подобных тем, что можно увидеть на приборной доске любого автомобиля, но опытный инженер оказался совершенно не в состоянии истолковать ни один из них. На них были нанесены непонятные цифры!

Тем не менее инженер получил безошибочное впечатление, причем столь же яркое, как если бы ему что-то сказали вслух. "Все идет своим чередом, все в порядке", – мелькнула мысль.

Он внимательно прислушался, надеясь услышать произнесенные слова. Кроме того, он изо всех сил старался заставить своего агента оглядеться по сторонам. Возможно, в по-

ле зрения находятся другие люди. Однако в течение нескольких минут странно привычные руки продолжали манипулировать незнакомыми устройствами.

Затем где-то совсем рядом раздался одиночный удар гонга с глубоким звучанием. Мгновенно подняв голову, Смит увидел, что агент осматривает внутреннее пространство большого машинного отделения. Он успел заметить на заднем плане огромную громадину горизонтального цилиндра диаметром около пятидесяти футов, а также множество других механизмов, больше похожих на увеличенные лабораторные приборы, чем на обычные двигатели. Смит тщетно искал компактную форму динамо-машины или мотора и тщетно прислушивался к звукам. Затем быстро последовали сразу два удара в невидимый гонг и пронзительный свист.

Позаимствованные глаза Смита снова устремились на группу циферблатов. Их индикаторы начали меняться, одни быстро, другие медленно. Один раз агент бросил быстрый взгляд в круглое окно – похоже, оно было освещено обычным дневным светом, – и Смит увидел, как мимо пролетело что-то незнакомое.

Еще немного, и раздалось три удара в гонг, за которыми последовал негромкий гул. В ответ на них агент целенаправленно нащупал два рычага и потянул их вниз. Когда его взгляд вернулся к циферблатам, один из них показывал колоссальное увеличение скорости.

Вскоре раздался еще один тройной лязг, еще одна пара

рычагов была опущена, и тут же дребезжание и лязг сменились явным гулом, негромким и отчетливым, но таким мощным, что от него задрожал воздух. В это же время агент покинул свой пост и подошел к гигантскому горизонтальному цилиндру.

Теперь Смит мог убедиться, что эта огромная конструкция была всего лишь частью двигателя, размеры которого не поддавались никакому описанию. Это была простая конструкция, представлявшая собой всего лишь возвратно-поступательную машину, подобную самой элементарной паровой машине. Но вместо пара это была химическая машина; наметанный глаз Смита подсказал ему, что цилиндр на самом деле представляет собой огромную реторту. И с еще большим недоумением он отметил, что огромный поршень-шток двигался не только с огромной скоростью, но и строго взад-вперед; его дальний конец не вращался.

Агент, казалось, был доволен всем этим. Он повернулся и пошел – насколько Смит мог судить, в привычной для землян манере – снова к циферблатам. В этот момент на небольшом расстоянии от него открылась дверь, и вошел еще один человек.

Смит принял бы его за работника какого-то гаража. Он был одет в засаленный синий комбинезон и, подойдя ближе к глазам Смита, окинул комнату цепким взглядом. Он лишь кивнул человеку Смита, тот так же молча ответил кивком, и все это было настолько лаконично, что Смит впоследствии

не смог описать этого человека.

Временно освободившись от своих обязанностей, агент вышел в другую дверь, которая вела через узкий коридор и еще одну дверь, выходящую на что-то вроде балкона или палубы. Смит вполне ожидал увидеть океан.

Но вместо этого он увидел море облаков. Он находился в каком-то летательном аппарате!

В следующий момент, как будто все было заранее предусмотрено, в четверти мили от них появился большой воздушный лайнер. Он словно материализовался из облаков и стремительно надвинулся на корабль, в котором находился агент.

Но практичный земной человек смотрел на воздушный корабль со все большим изумлением. Ведь это был действительно корабль, огромное судно, удивительно похожее на старомодные грузовые суда, которые когда-то бороздили моря Земли. Более того, у него было четыре высокие наклонные мачты, каждая из которых была покрыта чем-то удивительно похожим на парусину, и вся эта невероятная громадина прямо-таки покачивалась в воздухе!

Присмотревшись, Смит увидел, что мачты были очень высокими: на них было натянуто столько парусины, что хватило бы на десять кораблей. И каждая мачта отклонена назад под таким острым углом – гораздо более сорока пяти градусов, – что ветер не только гнал судно по курсу, но и поддерживал его.

Это означало, что ветер был такой, что ураган казался укрощенным. Либо это, либо воздух с более высокой плотностью, чем та, о которой знал Смит.

Внезапно корабль оказался на ветру и в тот же миг начал убирать парус, все полотнища закрутились в унисон. Одновременно из прорезей в бортах корпуса высунулись огромные крылья, похожие на плавники, и тут же стали рассекать воздух, вперед-назад, вперед-назад, с быстротой и подвижностью ласточек.

Так вот в чем заключался смысл гигантского поршневого двигателя! Вместо винтового движителя, характерного для земных летательных аппаратов, эти суда использовали настоящий птичий принцип, сочетая его с простыми методами примитивных парусных судов.

Как только корабль перестал мчаться на ветру и начал использовать крылья, скорость сразу же уменьшилась, и корабли начали снижаться. Примерно в это же время на мостике появились фигуры нескольких человек, и если предположить, что эти люди были такими же крупными, как человек, которого Смит видел входящим в машинное отделение, – парень среднего роста, – то корабль, по пропорциям, был длинной в милю!

Но благоговейный трепет Смита не разделял его агент, который равнодушно отвернулся и стал смотреть на небо, словно в поисках других достопримечательностей. При этом он облокотился на перила палубы, и Смит увидел отвесные бор-

та гигантского корабля, простирающиеся вперед и назад почти до бесконечности, а далеко вверху – огромные облака белой ткани. Судно находилось под парусами.

Примерно в миле выше и почти на таком же расстоянии в сторону глаза агента различили два крошечных пятнышка. С минуту он пристально наблюдал за ними, как они странно кренились и переваливались, затем бросился в машинное отделение, достал бинокль старинного, добротного образца и быстро навел его на ближайшую из них.

Смит мгновенно почувствовал беду. Это был небольшой летательный аппарат, совершенно незнакомый инженеру, но он знал, что он неисправен. Одно из его странных крыльев было сломано и трепетало, а сам аппарат падал, кувыркаясь и беспорядочно вращаясь, с необъяснимой медлительностью к невидимой земле. Смит мельком увидел одинокую фигуру, предположительно пристегнутую к сиденью.

Затем внимание переключилось на другую машину. Она была того же типа, и Смит увидел, что она закручивается в крутую спираль, а ее пилот откинулся в кресле и смотрит вниз.

В следующее мгновение они оказались в фокусе вместе. С каждой секундой они все ближе и ближе приближались к позаимствованным глазам Смита. И за меньшее время, чем требуется для рассказа, они подошли так близко, что, когда пассажира неисправного корабля сильно повело в сторону, Смит смог разглядеть длинные развевающиеся волосы жен-

щины.

Она была без сознания и пристегнута ремнями!

Ее судно опрокинулось. В это же время другой пилот – мужчина – сделал маневр так, чтобы закрутиться вокруг падающего аппарата. Когда оно снова поднялось – теперь уже в полумиле – он пронесся так близко, что его машина едва не задела голову женщины. В этот момент он наклонился и попытался отстегнуть ее. Но неустойчивость судна не позволила этого сделать.

Он предпринял вторую попытку. На этот раз его собственная машина едва избежала повреждений – он поспешно отвел ее в сторону от поврежденного крыла. И тогда он предпринял последнее усилие.

Подведя свой аппарат прямо к другому, когда он снова выпрямился, он коснулся одного из элементов управления, так что спираль его собственного летательного аппарата стала более крутой. Выпрямившись, он застыл на месте, спокойно оценивая расстояние, а затем невозмутимо прыгнул на высоту десяти-двенадцати футов, перелетев и опустившись на крышу другого аппарата.

От удара при приземлении он устоял на ногах. Крепко держась одной рукой, мужчина нагнулся и отстегнул ремень женщины. В следующее мгновение он поднял ее, как невесомую ношу, на руки, а затем на плечи.

Его собственный аппарат все еще летел вниз, его скорость была даже больше, чем у разбитого аппарата. Увидев, что

машина проносится мимо и под ним, мужчина мгновенно вскарабкался на край кабины. Секунду он стоял, неуверенно балансируя, а затем, наполовину прыгнув, наполовину нырнув, снова оказался в воздухе.

Мужчина и женщина грузно рухнули в гулкий аппарат. Спасатель в мгновение ока схватил управление и попытался всеми силами выпрямить машину. Но аппарат начал крениться, и Смит, несмотря на то, что его взволнованный агент трясся, держа бинокль, увидел, что аппарат безнадежно неуправляем. В следующее мгновение он увидел в ста метрах от себя корабль и направился прямо на него.

Агент Смита бросился обратно в машинное отделение, где сразу же нашел очередную группу приборов. Смит узнал телефон и какую-то беспроводную аппаратуру, а затем обнаружил, что смотрит в какую-то сложную систему зеркал. Вероятно, это был подсвеченный тоннель, выходящий в длинную белую рубку. Судя по всему, это был аварийный отсек.

Через мгновение бессознательные тела двух летчиков оказались на расстоянии примерно двадцати футов. Смит ничего не слышал: казалось, что аппарат создан только для того, чтобы смотреть. Но он видел, как спешили врачи, как вводили восстанавливающие средства, как оживали оба человека.

Первым пришел в себя мужчина. Он огляделся по сторонам, как ему показалось, с первого взгляда оценил ситуацию и быстро поднялся на ноги. Врачи протянули к нему руки, но он со смехом отмахнулся от них.

Это был мощно сложенный мужчина, значительно выше обычного роста и очень глубокий в груди. Он был ярко выраженным блондином и выглядел веселым и бесшабашным.

Его забота была связана с женщиной. Через полминуты она пришла в себя и вскоре уже сидела, озираясь по сторонам. И Смит, обычно не отличавшийся внимательностью к представительницам противоположного пола, обнаружил, что смотрит на нее во все глаза.

Она была молода, да и мужчине, если уж на то пошло, было не больше тридцати. А белая повязка на лбу только подчеркивала темные глаза и живой цвет лица. Смит начал злиться, что не может разглядеть ее более отчетливо. Он решил, что каждая черточка лица проработана до мелочей, что он никогда не видел таких тонких линий, таких больших глаз, таких притягательных и мягких.

Затем он снова стал наблюдать за женщиной. Он подошел к женщине и взял ее протянутую руку. Он звонко рассмеялся, она трепетно и благодарно улыбнулась. Они смотрели друг другу в глаза, как будто в каюте больше никого не было. В следующую секунду один из врачей резко поднялся, и Смит увидел, как на щеках девушки проступил быстрый румянец. Мужчина тоже покраснел и, чтобы скрыть свое замешательство, со смехом отвернулся.

На этом связь Смита с его агентом закончилась. Когда позже он докладывал остальным троем, ему пришлось признать, что, насколько ему известно, мужчина и девушка по-

прежнему держались за руки.

Глава

IV

. Новые сердца для пожилых

Переживания Билли были совершенно иными. Она обнаружила, что перевоплотилась в разумную летающую птицу колибри.

Казалось, что ее сознание с бесконечной быстротой носится то туда, то сюда по всей Вселенной. Она успевала лишь молниеносно заметить какую-то одну точку; вспышка за вспышкой незнакомые, неопишуемые ситуации сменяли друг друга, как ускоренные сценки кинематографического спектакля. В течение неопределенно долгого времени этот беспорядочный процесс занимал ее мысли.

Потом наступила сцена, которая не отпускала. Вначале она была тусклой, и более всего ей почудился шум голосов. Потом она увидела все отчетливо.

Она, то есть ее агент, находилась в каком-то помещении, давая указания группе одетых в белое фигур. Не успела Билли сосредоточиться на сказанном, как разговор прекратился, а в следующий момент, в полной тишине, агент склонился над чем-то, лежащим на высоком столе.

В этот момент Билли почувствовала сильный толчок. Ведь, если она не ошибается, перед ней был находящийся в бессознательном состоянии пациент, место – операционная больницы, а глаза, которыми она смотрела, принадлежали

хирургу.

Она смотрела, затаив дыхание. Проворные пальцы хирурга с предельной аккуратностью раскрывали грудную клетку пациента. Другие пары рук, принадлежащие медсестрам, помогали в этом, и Билли нашла этот сложный процесс скорее интересным, нежели наоборот. Разумеется, она не чувствовала запаха крови.

Как только ребра были полностью отодвинуты, легкие были аккуратно отложены в сторону. Чувствовалось, что здесь требуется необычайная деликатность. Билли уже начала подумывать о том, не пора ли ей выйти из игры, когда ее агент, как и прежде, спокойно обнажил сердце пациента.

Билли видела, как оно пульсирует, более того, она могла его слышать. Она с удивлением наблюдала за дальнейшими действиями.

Они заключались в том, чтобы с усилием распутать массу сосудов и артерий вокруг органа. Вскоре все стало чисто, и тогда медсестры без промедления вынесли странное на вид устройство.

Оно было серебряным, по форме напоминало сплюснутое яйцо и по размеру было немногим меньше этого трудолюбивого человеческого насоса для перекачки крови; к нему была прикреплена пара длинных, гибких, серебряных трубок, которые вели неизвестно куда. А с одной стороны яйцо было снабжено восемью необычными соплами.

Временами мельтешащие руки мешали Билли наблюдать

за происходящим, но все же она видела почти весь этот удивительный процесс от начала до конца. Если говорить коротко, то восемь сопел были быстро и смело введены почти за один прием в крошечные отверстия восьми соответствующих сердечных сосудов. Их вводили, пока они не заполняли артерии и вены, а после введения на внешние стороны трубок мгновенно накладывались серебряные зажимы. Все это происходило в течение двух-трех секунд, и когда все было закончено, сердце было целиком изъято, а его место окончательно заняло маленькое серебряное яйцо.

Пациент не подавал никаких признаков того, что произошло что-то необычное. Не было пролито ни капли крови, кроме как в процессе извлечения органа, но теперь несколькими ловкими движениями инструментов сердце было отрезано от окружающих тканей, сосуды перерезаны, и весь мощный насос, все еще слабо бьющийся, был полностью извлечен из тела.

Далее хирург приступил к остановке кровотечения из самого аппарата, то есть из тех трубок, которые выступали под плотными серебряными соплами. После этого ловкие пальцы спокойно, словно собирая механизм, установили на место легкие и другие элементы. Наконец, шов наложили так, что порадовало бы любую швею.

Две длинные серебряные трубки остались торчать. Теперь Билли впервые увидел, куда они ведут.

На подставке рядом с операционным столом стояла очень

маленькая плоская коробочка с открытой крышкой. Трубы заканчивались там. И когда хирург осмотрел это приспособление, Билли увидел, что оно, по сути, представляет собой пару миниатюрных воздушных насосов. Здесь были два крошечных циферблата, регулирующий прибор, что-то вроде автоматического электрического выключателя и, похоже, стальной резервуар для жидкости; все это было расположено на похожей на часы шкале.

Присмотревшись внимательнее, Билли различил две пары электрических проводов, идущих от этого корпуса к другому такому же по размеру. Хирург поднял крышку, открыв два электрических аккумулятора, каждый со своей схемой.

Короче говоря, в этом корпусе имелись дублирующие друг друга источники энергии, размером с жилетный карман, для работы механического сердца. Электричество приводило в действие пневмонасосы, которые, в свою очередь, создавали в маленьком серебряном яйце, имплантированном пациенту, давление и вакуум, а в самом искусственном органе, несомненно, находилась система клапанов, которая выполняла все остальные функции. Регулирующее устройство поддерживало нужную скорость циркуляции крови.

Хирург, казалось, был всем доволен и, еще раз критически осмотрев пациента, окинул взглядом палату, выпрямился, глубоко вздохнул и произнес:

– Хорошая работа. Всем большое спасибо.

И Билли не знала, чему удивляться больше – тому, что

голос был однозначно женским, или тому, что она, Билли, смогла понять все, что было сказано. Только потом она в полной мере осознала, что переводом занимался ее собственный мозг, а подсознание хирурга всего лишь создало мыслеобраз, который был бы точно таким же, независимо от языка.

– Какие-то особые указания, хирург Алдор? – спросила одна из фигур в белых одеждах с закрытыми лицами.

– Нет. Обычное обслуживание. Просто держите батареи заряженными в процессе ротации.

Хирург сняла маску для рта и испачканный кровью фартук, затем быстро вымыла руки. Далее она бодрым шагом вышла из комнаты, и архитектор, которая пользовалась ее глазами, с радостью увидела, что дверные ручки имеют стандартную высоту тридцать пять сантиметров, что говорит о том, что этот ее агент был примерно ее собственного роста. Однако по звуку ее шагов Билли сделала вывод, что она несколько тяжелее ее самой.

Дойдя до другой комнаты, хирург надела шляпу и пальто. Затем она встала перед длинным зеркалом, но это действие было настолько быстрым и застало Билли врасплох, что она не успела внимательно рассмотреть изображение. Честно говоря, она сначала посмотрела на одежду женщины и обнаружила, что ее костюм был очень аккуратным, из синей кожи, полувоенного покроя. Полоски темно-красного материала по рукавам повторялись у воротника, а фуражка, остроконечная с козырьком, подходила к костюму. Нижние кон-

цы бриджей, похожих на обычные брюки для верховой езды, были заправлены в высокие сапоги на шнуровке из красной кожи.

Прежде чем Билли успел заметить, что хирург обладает небольшим ростом, что разительно контрастирует с крепким телосложением, она вышла из комнаты. Через минуту автоматический лифт доставил ее на нижний этаж, где ее встретил человек, которого Билли приняла за старшую медсестру.

– Что-нибудь особенное, хирург?

– Нет, – ответила она с суровостью, которая выглядела поразительно на фоне ее жизнерадостности наверху. – Насколько я понимаю, доктор Норбит хочет как можно скорее отправиться домой?

– Да.

– Он может ехать, как только гипс затвердеет. Проследите, чтобы его аппарат был исправным.

Медсестра просто кивнула, когда хирург прошла дальше, через самую обычную пару раздвижных дверей, вышла в предбанник, а затем на крыльцо, где на мгновение замерла, глядя на улицу.

Она была очень широкой, и по обеим сторонам ее выстроились внушительные здания, архитектура которых была совершенно незнакома Билли. Она хотела бы рассмотреть их все в деталях, но не могла контролировать своего агента, который сразу же спустилась по ступенькам и вышла на тротуар.

Здесь Билли с полным правом могла пренебречь архитектурой. Люди шли и шли, и, судя по всему, такие же люди, как и она сама. За исключением некоторой роскошной пышности нарядов, в большинстве своем они казались просто мужчинами и женщинами.

Различить полы было сравнительно легко. Одежда женщин, хотя и не выставляла напоказ сугубо женские достоинства, тем не менее, не пыталась их замаскировать. Билли заметила, что свободные бриджи полностью вытеснили юбку у этих женщин, а мужчины неизменно носили либо трико, либо какие-то другие короткие брюки, так что общий образ был очень молодежным. Мужчин с бородами не было, хотя некоторые носили длинные волосы до плеч, как бы компенсируя тем самым короткую стрижку женщин.

У хирурга, похоже, было больше свободного времени, чем у большинства врачей. Она стояла несколько минут, поприветствовав, пожалуй, с десятков прохожих, и все они, похоже, гордились этим знакомством. Вскоре, однако, тротуар на некоторое время освободился от пешеходов, и тогда Билли услышала, как хирург пробормотала что-то про себя, что на тот момент было невозможно понять:

– Дураки! Бедные, невежественные скоты!

Она повернулась и зашагала к середине улицы, где Билли уже успел заметить большое количество летающих машин. Действительно, пространство от бордюра до бордюра было практически заполнено этими аккуратно припаркова-

ными аппаратами.

Все они без исключения были орнитоптерами, то есть аппаратами, построенными по принципу птичьих крыльев, поддерживающими себя за счет машущего движения, а не за счет давления воздуха, создаваемого пропеллером. Их размеры варьировались от одноместных совсем маленьких до достаточно больших, чтобы вместить целую толпу. Большинство из них были нарядно раскрашены.

Машина самого хирурга была двухместной, небольшой, но обладающей мощной системой. По короткой лесенке она поднялась в удобную кабину, снабженную откидным верхом, который в это время был откинут в сторону. Она приступила к регулировке различных рычагов и маховиков, взглянула на циферблаты, нажала кнопку, и аппарат тут же взлетел, крылья били по воздуху с глухим тягучим ритмом, заглушавшим тихое звяканье механизмов.

Через мгновение летательный аппарат оказался высоко над улицей. К разочарованию Билли, хирург не посмотрел вниз настолько, чтобы дать понять архитектору, к какому мегаполису относится эта улица. Вместо этого ее агент осторожно вела машину сквозь поток машин, который Билли назвала бы опасно плотным. Она вспомнила, что не видела на этой улице ничего, кроме самолетов; ни одного автомобиля.

И тут в воздухе с огромной скоростью пронесся легкий самолет. Билли успела заметить бесчисленное множество машин, лишь немногие из которых двигались в том же направ-

лении, что и машина хирурга.

Прошло еще несколько минут, и Билли почувствовала себя на гораздо более высоком уровне – аппарат летел с огромной скоростью. Вскоре он остался в небе совсем один.

Через некоторое время глаза хирурга различили что-то далеко внизу, что очень озадачило Билли. Это был корабль под полным парусом, но, насколько она могла судить, корабль покоился на облаках, а не на воздухе. До него было еще далеко.

И тут Билли бросила взгляд наверх, где увидела еще одно судно – маленькое, хлопающее крыльями, как и у хирурга. Он как раз поднимался по длинной наклонной траектории, чтобы пройти над ее курсом. И в тот же миг раздался резкий треск, а за ним – треск осколков. Летательный аппарат хирурга сильно завалился набок.

В следующую секунду женщина смотрела на свое левое крыло. Оно было сломано посередине и дико трепыхалось. Еще мгновение, и часть крыла оторвалась, отлетела и ударила хирурга по голове. Раздался приглушенный крик, а затем наступила темнота.

Следующее, что увидел Билли, была реанимационная палата большого небесного крейсера Смита, и хирург, моргая, смотрела на улыбающееся лицо своего светловолосого спасителя.

Глава

V

. Дочь Капеллы

Первое, что бросилось в глаза доктору, когда он погрузился в мысли о своем далеком агенте, были часы. Это был самый обычный прибор, какие встречаются в школах и офисах: две стрелки, маятник обычного размера и длины.

Однако маятник качался очень быстро, почти в два раза быстрее, чем маятник его собственного хронометра. А его циферблат был разделен не на двенадцать, а на двадцать пять равных частей, каждая из которых была разделена еще на пять равных частей. В данный момент эти две стрелки показывали то, что на Земле можно было бы назвать половиной третьего.

Прежде чем доктор успел порассуждать на эту тему, его неизвестный агент перевел взгляд на газету, лежащую на столе перед ним. Видимо, он думал о чем-то совершенно другом, потому что рассеянно переворачивал одну за другой страницы, воспринимая все это подсознанием.

И доктор увидел, что газета называется попросту "Ежечасный журнал", что она почти такого же размера, как большинство газетных листов, и что она состоит примерно из десяти страниц. Только первая и последняя страницы содержали новости, остальные были сплошь заполнены рекламными объявлениями. Ни одно из них не запомнилось доктору; по его словам, они были похожи на профессиональные визитки большого размера, только относились к разным видам бизнеса, от конфет до мостов. Что касается новостей, то все они

были короткими, без сенсаций, с самыми скромными заголовками. Больше доктор ничего не успел заметить.

Внезапно агент убрал газету и поднял глаза. Предположительно, он сидел в каком-то кинотеатре. Прямо перед ним находился знакомый белый прямоугольник экрана кинотеатра. А вокруг него – головы и плечи, судя по всему, молодых людей, примерно школьного возраста. Вплоть до "низких горлышек" у девушек и белых воротничков у парней, они были совершенно идентичны жителям Земли.

В общем, если бы не эти часы, доктор мог бы сделать вывод, что произошла какая-то ошибка, и прекратить эксперимент. Некоторое время он почти ничего не понимал, вокруг стоял нестройный гомон. Однако его агент не принимал никакого участия в разговорах, которые привели к такому эффекту; он лишь пару раз зевнул.

Вдруг шум прекратился, и в следующее мгновение на площадку перед экраном вышла высокая фигура.

– Класс, – сразу же начал этот человек, – сегодня мы подведем итог тому, что узнали за прошедшую неделю о солнечной системе, одним из элементов которой является наша планета.

И по тому, как он говорил, доктор понял, что ошибки не было. И хотя подсознание агента переводило сказанное на понятный доктору язык, глаза ясно говорили о том, что губы профессора говорят совсем другое.

В этом не было никаких сомнений. Все, что доктор мог

сказать, понаблюдав за словами по губам профессора, он мог говорить на эскимосском языке. Но смысл его слов был так же ясен, как если бы он говорил по-английски.

– Мы начнем с фотографии самого солнца.

В момент произнесения этих слов на экран был спроецирован кинофильм. Доктор сразу же отметил естественные цвета, стереоскопический эффект и удивительную четкость изображения, которые выдавали в нем неземное происхождение. Но профессор сказал:

– Солнце управляет, кроме этого мира, еще не менее чем тридцатью другими, – а доктор знал, как и прочие люди знают алфавит, что планетарная семья Земли состоит всего из восьми, – не менее чем тридцатью другими, из которых восемь сейчас безжизненны.

Докладчик повернулся к студенту, сидящему слева.

– Скажите нам, мисс Балленс, сколько из этих тридцати планет еще слишком горячи, чтобы поддерживать жизнь?

Девушка не поднялась на ноги.

– Десять, – был ее ответ.

– Остается, конечно, двенадцать, кроме нашей планеты, на которых в той или иной форме существует жизнь. Мистер Эрнол, можете ли вы дать нам представление об условиях на любой из них?

К огромному удовлетворению доктора, мозг, чьим кредитом он пользовался, ответил на вопрос.

– На Салони позвоночные еще не появились. Не обнару-

жено никаких форм жизни, кроме самых низших.

– Эта планета больше или меньше нашей, господин Эрнол?

– Больше. Пройдут миллионы веков, прежде чем на ней появятся такие существа, как люди.

– Откуда нам известны эти факты?

Словно по сигналу, весь класс единодушно произнес одно слово:

– Рунлед!

И доктор увидел, что глаза его агента, как и всех остальных студентов в аудитории, обращены к портрету высокоинтеллектуального человека, который висел на самом видном месте на стене.

– Мы никогда не должны забывать, – продолжал человек на трибуне, – что, если бы не исследования этого человека и его космического корабля, проведенные около восьмидесяти лет назад, мы бы знали очень мало. Кто-нибудь может сказать, почему его исследования так и не были повторены?

Две руки поднялись. Профессор кивнул девушке, сидевшей рядом с молодым парнем, которого доктор теперь знал как "Эрнол". Девушка говорила очень четко:

– Потому что экспедиция была чрезвычайно дорогостоящей, и комиссия не готова выделить достаточно средств, чтобы повторить эту миссию.

– Суждение комиссии, конечно, обоснованно, – спокойно прокомментировал профессор. Затем он дал сигнал к смене

картинки, на которой быстро сменяли друг друга мелькавшие один за другим миры. Затем последовала более неторопливая смена кадров.

– Планета Альма. Кто-нибудь может объяснить, почему она представляет для нас особый интерес?

На мгновение комментариев не последовало, и доктор обнаружил, что изучает панораму, на которой запечатлены какие-то весьма странные люди. Их было довольно много, и доктор с удивлением отметил, насколько они похожи на венерианцев. Все они без исключения были изящно сложены, с тонкими, поджатыми ногами; все сидели, ни один не стоял, в сигарообразных летательных аппаратах совершенно нового для доктора типа.

– Жители Альмы, – заговорил мальчик, не видимый для Эрноля, – особенно интересны для нас, потому что они, насколько известно, самые высокоразвитые существа из всех существующих.

– Чем же они похожи на нас?

– Они такие же позвоночные, млекопитающие, приматы, как и мы.

– А чем они отличаются от нас?

– Они – "кооперативные демократы", то есть не конкурируют друг с другом за жизнь, а работают сообща во всем, при полном равенстве. Таким образом, они достигли такого уровня развития, что...

Профессор прервал его.

– Мы не будем об этом говорить.

Изображение переключилась с людей на предметы – демонстрировалась большая, сложная на вид колонна.

– О чем это нам говорит?

– Это говорит о том, – ответил кто-то, – что Альма полностью окружена и накрыта огромной крышей, которая возвышается над поверхностью на несколько миль. [Сноска: Сравните с Венерой. По-видимому, если планета достигает определенного возраста, ее жители неизменно принимают меры для сохранения ее атмосферы, то есть при условии, что их цивилизация достаточно развита].

– Для чего нужна эта крыша?

– Для сохранения воздуха и влаги, которые все остальные планеты неуклонно теряют. Альма – гораздо более древняя планета, чем наша, поэтому ее жители так далеко продвинулись.

Далее последовали "крупные планы" некоторых жителей. Доктор сразу увидел, что это вовсе не венерианцы: у них были одинаково угрюмые и холодные выражения лиц, а у типичных венерианцев – приятные и мудрые.

– Вы заметите, – очень тихо прокомментировал профессор, – что эти люди отнюдь не счастливы.

Все, казалось, приняли это как должное, но натренированный слух доктора мгновенно уловил фальшивую ноту в голосе преподавателя. Был ли он уверен в своем утверждении?

В то же время доктор заметил некоторую мутность в заимствованном им видении. Кроме того, речь стала менее отчетливой. Ему пришло в голову, что мальчик, возможно, засыпает, и безошибочный кивок головой вскоре подтвердил это.

– Как видно из этих фотографий, – пробурчал голос с трибуны, – счастья на Альме нет. А если не там, то где еще мы можем рассчитывать его найти? Уж точно не на менее развитых планетах.

– Поэтому мы должны сделать вывод, что наш мир – единственный, где люди по-настоящему счастливы. Мы должны поблагодарить Комиссию за то, что мы обладаем этим особым отличием. Наша цивилизация – единственная, которая гарантирует счастье для всех, и эти фотографии нам это доказывают.

В этот момент молодой Эрнол резко поднял голову.

– Откуда мы знаем, – спросил он, – что эти фотографии не были очень хитро подобраны, чтобы создать у нас неверное представление? Возможно, они лгут, профессор!

Мгновенно воцарилось замешательство. Профессор так и застыл на месте, а все присутствующие в зале с изумлением смотрели на парня.

– Что! – сурово воскликнул докладчик. – Откуда у вас такое необычное представление, господин Эрнол?

Мальчик сидел прямо, растерянно озираясь по сторонам. Он неуверенно поднялся на ноги.

– Откуда... – беспомощно заикался он. – Я понятия не имею... Что я вообще сказал, сэр?

Профессор поспешил с ответом. Он тихо сказал:

– Вы хотите сказать, что не осознавали того, что сейчас сказали?

– Да, сэр. Я хочу сказать...

Юноша был сильно озадачен.

– Честно говоря, сэр, я практически заснул. Я занимался изучением Альмы много лет назад. Я знаю, что я что-то сказал, но что именно...

– Этого достаточно.

Профессор сделал знак, и Эрнол сел, сильно смутившись.

– Класс поймет, что люди, разговаривая во сне, обычно говорят вещи, прямо противоположные тому, что они знают как правду.

Мужчина смочил губы, как бы радуясь аккуратности своей формулировки. Он добавил великодушным тоном:

– Я не буду делать замечаний господину Эрнолю, поскольку, как он говорит, его предыдущая работа показывает, что Альма для него – давняя тема. Я только хотел бы, чтобы он так же хорошо справлялся с некоторыми другими исследованиями!

По классу пробежала волна смеха, и снова озадаченный юноша стал мишенью для пристальных взглядов студентов. Он опустил на свое место.

– На сегодня хватит, – сказал преподаватель, взглянув на

часы. – Завтра мы приступим к изучению других солнц во Вселенной – тех, что мы обычно называем звездами.

– Однако прежде чем вы уйдете, – его голос приобрел определенную зловещую окраску, – позвольте напомнить вам, что у нас принято не задавать вопросов об источниках информации. Мы принимаем их как должное. На самом деле, это не просто обычай, согласно правилам, любой студент, не уверенный в добросовестности нашей школьной системы, за первое возражение должен быть отчислен, а за второе – лишен всех прав на образование.

– Итак, вы сами легко поймете, что никому из вас не стоит повторять то, что бессознательно позволил себе сказать господин Эрнол. И, конечно, никто из вас не будет настолько недоброжелателен, чтобы напоминать ему о том, что он наговорил.

Студенты в задумчивости поднялись на ноги, и Эрнол вышел вместе с остальными. Он не имел ни малейшего представления о том, что произошло, ни малейшего подозрения, что его глаза и уши использовались.

Но доктор узнал нечто чрезвычайно ценное. Он узнал, что, когда его агент находится в полубессознательном состоянии, его сознание, сознание доктора, может влиять на агента.

Не Эрнол, а доктор совершил промах!

Глава

VI

. Мировое правительство

Впоследствии Ван Эммон не смог вспомнить ни одного переживания в период между вхождением в подсознательное состояние и переходом в телесознание. То есть он помнил только конкретную сцену, увиденную глазами и ушами его агента.

Это было большое помещение с высокими потолками, по архитектуре напоминающее какое-то общественное здание. В центре, прямо перед агентом Ван Эммона, стоял большой прямоугольный стол, за которым сидело несколько человек. Ван Эммон насчитал девять человек.

Вся атмосфера была торжественной и важной. Ван Эммону вспомнились старые фотографии заседаний кабинета министров в Вашингтоне, стратегических советов во время великой войны. Он напряженно прислушивался, не прозвучит ли что-нибудь.

У основания стола, во главе которого и сидел агент Ван Эммона, поднялся высокий мужчина с внушительной, квадратной бородой. Он многозначительно посмотрел поочередно на каждого из восьми человек, и когда он заговорил, геолог был настолько поражен убийственной серьезностью происходящего, что забыл удивляться своей способности понимать сказанное, забыл удивляться тому, что эти люди, несомненно, были людьми исключительного качества.

– Господа, – сказал поднявшийся мужчина, – мне нет нужды напоминать вам о серьезности этого события. Я лишь хо-

чу поздравить вас и себя с тем, что у нас теперь есть председатель, на которого мы можем смотреть с уверенностью. Я говорю это, нисколько не осуждая его предшественника.

Он сел, и тут же появился беловолосый мужчина с широким, благодушным типом лица и объявил:

– Никаких сожалений, сэр. Напротив, я очень рад, что мистер Поварт займет мое место. Я только хотел бы, чтобы комиссия отказалась от своего правила выбирать по жребию; я хотел бы предоставить мистеру Поварту кресло на тот срок, который он пожелает занять.

Он занял свое место под общий гул одобрения, в то время как девять пар глаз в унисон обратились в сторону пары глаз, которые разделял Ван Эммон. Значит, его агент был председателем некоего совета, известного как "Комиссия".

Поварт поднялся на ноги. Даже в этом простом действии его движения были быстрыми и уверенными; они прекрасно гармонировали с тем, как он заговорил.

– Спасибо вам всем. Честно говоря, я рад, ради объединения, что самый молодой член комиссии возглавил его в это время. Если бы я был моложе своих лет, я бы сказал то же самое.

Он сделал паузу и взглянул на какие-то записки в своей руке. Ван Эммона поразили, во-первых, гладкая кожа и совершенное строение кисти и запястья, а во-вторых, своеобразный почерк на бумагах. Он понятия не имел, что они означают, хотя его агент, несомненно, знал. (Впоследствии

четверо пришли к выводу, что в случае слов, написанных кодом или иным способом, требующим усилий сознания агента, люди на Земле, находящиеся в контакте только с подсознанием, не получают информации. Но у них никогда не возникало проблем с пониманием того, что было сказано вслух).

– Если есть какие-то особые вопросы, которые должны быть рассмотрены на общем заседании, то сейчас самое время поднять их, – сказал Поварт и остался стоять.

С правой стороны стола выступил низкорослый мужчина с очень большой головой:

– Я хочу предложить, чтобы мы отправили еще одну экспедицию на Альму.

– Согласен, – отозвался человек, который был предшественником Поварта. Видимо, эти десять человек почти не обращали внимания на парламентские правила. – Каковы перспективы, Поварт?

– Самые лучшие. Старый космический корабль Рунледа был недавно отремонтирован, и, как я понимаю, добыто достаточно необходимых материалов, чтобы обеспечить один рейс туда и обратно.

– Очень удачно, что мы сможем снова посетить Альму, хотя мы и израсходовали все наши запасы на эту цель. Похоже, что скоро нам понадобятся, и очень понадобятся, некоторые химические секреты, которыми владеют только они.

– Когда можно будет отправиться в путь?

– В течение недели. Я буду поддерживать связь с экипа-

жем по беспроводной связи и время от времени сообщать Вам о продвижении судна. Альма – это своего рода мое увлечение, я и сам не прочь отправиться в путешествие.

Наступила долгая пауза. Поварт подождал, как бы ожидая новых реплик, затем еще раз взглянул на свои записи и начал:

– Конечно, нас в основном интересует демонстрация в Каластии. Что касается ее причины, то я могу отметить, что Эклан Норбит в это время находился в больнице, у него была замена. Если бы он был на месте, то восстание было бы подавлено еще до того, как о нем стало бы известно.

– Но теперь, похоже, Каластия за последние несколько часов превратилась в кипящий очаг восстания. Конечно, мы изолировали этот район, и сейчас ведется поиск оружия.

– Во главе непокорных стоит человек по имени Эрнол. Он воспринимает свое заточение как нечто само собой разумеющееся, и никакое давление не заставит его заговорить. Ни от его товарищей, ни от его сына мы ничего не можем добиться. Какие меры предпринять – решать нам.

Первым комментарий сделал крупный, грозного вида мужчина слева.

– Не будет ли экономией времени спровоцировать насилие тем или иным способом и таким образом создать почву для избавления от всей этой своры?

– Я восхищен вашей прямоотой, – заметил бывший председатель через стол, – хотя и не могу сказать ничего хоро-

шего о вашей философии. Наш долг – держать всех довольными; мы не можем заниматься публичной прополкой, пока остальные не убедятся, что недовольные действительно являются сорняками.

– Это и так ясно, – сказал ошарашенный мужчина. – Каковы условия там, Поварт?

– Практически обычные. Процент накладных расходов лишь немного выше среднего. Пока Эрнол не переехал в эту местность, все были довольны обычными условиями.

– Что он декларирует?

– Обычная демократическая чепуха. Он утверждает, что Комиссия автократична, вплоть до ее последнего заместителя. Отрицает, что мы имеем право распределять половину доходов между рабочими, а другую половину – между владельцами. Заявляет, что наша система расточительна, несправедлива и деморализующая.

– И что же он предлагает?

– Демократический контроль над промышленностью. Вы знаете, это старая история.

– Отрицает ли он, что комиссия ликвидировала бедность и войну?

– Нет; но он указывает на то, что наш нынешний уровень жизни не менялся на протяжении многих поколений, и утверждает, что это должно привести к вырождению. Конечно, он прав в фактах, но не прав в выводах.

– Разве он не признает необходимость создания какого-то

международного органа управления?

– Да; но он утверждает, что Комиссия должна избираться прямым голосованием народа!

Это вызвало всеобщий презрительный смех. Единственное лицо, которое оставалось серьезным, было лицо потрясенного человека. Он сказал:

– Здесь, наверное, где-то промашка вышла, Поварт. Разве за распространение таких материалов не полагается большой штраф и тюремное заключение? Как Эрнол вообще ухватился за эту идею?

– Наверное, через передачу традиций. Мы не можем запретить людям говорить с собственными детьми; возможно, прадедушка и прабабушка Эрнола рассказывали ему о тех временах, когда всем было разрешено голосовать.

У шокированного мужчины возникла другая идея.

– А что этот человек может сказать против нашей системы голосования пропорционально имущественным интересам?

– Говорит, что в принципе все правильно; но он утверждает, что земля принадлежит всем и каждому в равной степени, и поэтому каждый должен иметь равный голос в распоряжении ею и управлении ею.

На этот раз улыбнуться не получилось. Человек с суровым лицом сказал за всех остальных:

– Мы не можем допустить, чтобы подобные идеи получили распространение, Поварт! У вас есть план?

– Мы должны внимательно следить за Каластией и не поз-

волять никому покидать ее пределы. Что касается Эрнола, то я пришел к выводу, что лучше всего будет выпустить его на свободу!

Они посмотрели на него в замешательстве. Он объяснил:

– Я ознакомился с опытом подобных дел за последние несколько столетий, и если что и бросается в глаза, так это то, что самый верный способ вызвать симпатию общества к радикалу – это его преследование. Но если не обращать на него внимания и высмеивать его, то его философия не продержится долго.

– Вместо того чтобы пытаться сделать из этого парня пример, сурово наказывая его, мы отпустим его. Возможно, он будет возражать против этого; возможно, он открыл для себя те же истины, которые читал я, и не хотел бы ничего лучшего, чем стать "мучеником". Но если понадобится, мы заставим его уйти.

– А если он продолжит свои выступления?

– В этом случае мы должны просто выждать свой шанс и взять его тайно, а если понадобится, арестовать одновременно тысячу других. Главное – секретность, чтобы люди не могли знать, что с ним стало, что бы они там ни подозревали. Окончательное избавление от него будет вопросом целесообразности.

Экс-председатель горячо одобрил эту идею.

– Вы все правильно поняли, Поварт. Есть ли еще что-нибудь на повестке дня?

Поварт отложил свои записи.

– Все национальные отчеты такие же, как обычно – все спокойно, и люди, по-видимому, всем довольны.

– Если больше нет никаких предложений, мы можем считать себя свободными.

Мужчины поднялись на ноги с характерным шумом. Высокий мужчина с квадратной бородкой сразу же подошел и протянул Поварту руку. Ван Эммон заметил, что они пожали друг другу руки почти так же, как это делают американцы.

– Похоже, все идет своим чередом, мой мальчик, – сказал бородач, его пристальный взгляд слегка смягчился. "Я видел утреннюю газету. Поздравляю! Она – одна девушка из миллионов. Она уже назначила дату?"

– Нет. Мона была застигнута врасплох, если быть откровенным, дядя.

Пока Поварт говорил, он смотрел на дверь и кивком разрешил войти какому-то человеку. Тот послушно шагнул вперед и подал послание, по виду напоминающее обычную аэрограмму. Пауарт открыл его, а его дядя расписался.

Председатель издал негромкий свист удивления.

– Некоторое время назад с флайером Моны произошел несчастный случай, и ее спас... – он внимательно посмотрел на аэрограмму, – парень по имени Форт. Сейчас она восстанавливается на борту "Кобулуса".

Высокий мужчина взял послание и прочитал его, а Поварт оглядел комнату. Ван Эммон мельком увидел часы и обратил

особое внимание на маятник. Но прежде чем он успел узнать что-либо еще, рука доктора Кинни дернулась, как и прежде, и прозвучал гонг. Все четверо проснулись.

Они находились "в гостях" уже более часа.

Глава

VII

. Мир на краю

– Думаю, мы узнали достаточно, чтобы сделать некоторые общие выводы, – сказал доктор, после того как все четверо рассказали о том, что слышали и видели. – Друг Ван Эммона, Поварт, похоже, не демократ. Он, вероятно, представляет самый аристократический элемент на планете, а этот человек, Форт, спасший девушку, скорее всего, также относится к элитному классу.

– С другой стороны, у нас есть агент Смита, имя которого нам неизвестно; он, по-видимому, принадлежит к рабочему классу, который Поварт презирает. Эти двое находятся на противоположных концах социальной лестницы. Юный Эрнол, чей отец попал в беду, предстает как начинающий молодой революционер.

– А вот Мона – так Поварт назвал свою невесту, хирурга Билли, девушку, чью жизнь спас Форт, – ее не так легко классифицировать. На земле мы бы назвали ее профессию средним классом, но то замечание, которое она сделала о том, что люди – это скот, наводит меня на мысль, что в душе она аристократка. Пока что я считаю ее загадкой.

– Что касается самой планеты, то, конечно, люди называют ее просто Землей или каким-то другим термином, который так переводится для нас. Нам нужно имя для нее. Как мы назовем ее – эту дочь Капеллы?

– Капеллетта, – быстро ответила Билли.

– Отлично!

Остальные двое одобрительно переглянулись.

– Теперь мы готовы к анализу. Что мы скажем о ее народе в целом?

– Если говорить от имени моего хирурга, – заметила Билли, – разве она не утверждает, что у нее довольно высокая степень развития?

Остальные явно хотели, чтобы доктор взял инициативу на себя. Обдумывая предложение Билли, он как никогда сильно потер костяшки пальцев.

– Высокая степень развития? Хм! Нелегко такое сказать. Правильнее предположить, что развитие выше в отдельных местах, а не в целом. Возможно, сначала стоит рассмотреть другие вещи.

– Возьмем, к примеру, те двое часов. Те, которые я видел, имели маятник обычной длины, который колебался в два раза быстрее, чем эти, – указывая на астрономические часы у себя под боком. – А как насчет часов, которые вы видели, Ван?

– Двадцатипятичасовой циферблат и маятник обычной длины, такой же, как у вас. Но он вибрировал не быстрее,

чем все те, что я видел раньше.

– Вы уверены?

В ответ на выразительный кивок доктор нахмурился.

– Мы вынуждены сделать вывод, что Капеллетта не такая круглая, как наша Земля. Иначе никак нельзя объяснить такую разницу в гравитации, которую показывают эти часы. Грубо говоря, я должен сказать, что диаметр планеты в том месте, где я видел часы, на пятьдесят процентов больше, чем в точке, где находился агент Вана, возможно, наибольший диаметр Капеллетта составляет десять тысяч миль.

– Наличие иной гравитации объясняет, почему тот разрушенный летательный аппарат, который видел Смит, падал так медленно, на планете гораздо больше воздуха, чем на Земле, что означает гораздо большую плотность у поверхности. Это также объясняет те большие парусные лайнеры, ничего другого быть не может.

– Во всяком случае, мы можем предположить, почему мы не видели никаких передвижений по поверхности. Жители Капеллеты никогда не пытались разработать такую вещь, как автомобиль, да и зачем им это, если есть птицы, которым можно подражать, и сверхплотный воздух вокруг них?

– Думаю, мы нашли ключ.

Доктор задумался на секунду-другую.

– Однако давайте немного подумаем о том школьном классе. Он ничем не отличался от того, что вы сейчас найдете на Земле. Почему?

У Смита возникла идея.

– Есть такая вещь, как совершенство. Как некоторые электрические приборы – их просто нельзя улучшить.

– Звучит разумно, – заметил Ван Эммон.

– Да. И, несомненно, именно так смотрят на этот вопрос Капеллетты.

– Почему у них нет говорящих картин? Потому что они, разумеется, довели до совершенства немые. Почему бы им не реформировать свой образ жизни, не заменить изношенное сердце на новое? Они довели до совершенства хирургию, вот почему! А почему они не попробовали винтовой движитель? Они усовершенствовали принцип птичьего крыла!

– Но это не объясняет, – вставила Билли, – почему они довольствуются автократической системой правления.

Ван Эммон расценил это как колкость в адрес Поварта.

– Ну конечно же, их правительство автократическое, дорогая! Как еще ее можно уберечь?

– Вы, кажется, очень восхищаетесь своим мистером Повартом, – положила она свою руку на его руку.

– Да. Он и другие кажутся очень способными людьми, которые взялись за поддержание счастья и добились своего.

– Но без прямого согласия народа.

– А что с того? – горячо возразил он. – Большинство людей не хотят забивать себе голову законотворчеством. Они предпочитают оставить это на усмотрение специалистов.

– Которые, дорогая моя, с готовностью возьмутся за это

дело – за определенную цену!

Доктор поспешно добавил:

– Судя по твоему рассказу, Ван, эта комиссия определяет условия жизни большинства, хотя она не имеет никакой народной поддержки. Более того, условия не улучшились по сравнению с тем, что было сто лет назад. Нет никакого прогресса. Поварт признает это.

– Теперь, рассматривая этот факт в совокупности с остальными, я прихожу к такому выводу: жителям Капеллеты, каким бы ни был их жизненный опыт в прошлом, сейчас не до революционных идей. Им нужна стабильность, а не перемены.

– Все упирается в их сверхплотный воздух. Понимаете, почему?

Видимо, трое участников не поняли. Доктор пояснил:

– Им гораздо легче жить, чем нам. Там, где транспортировка так легка и проста, не нужно прилагать больших усилий, чтобы добыть средства к существованию. Вследствие этого их развитие было гораздо более быстрым, чем у нас на Земле, до определенного момента, и они его уже достигли.

– Возвращаясь к этой комиссии: вместо того чтобы попробовать демократическую форму правления, при которой каждый гражданин нес бы равную ответственность независимо от его собственности, они остановились на охранительном, патерналистском принципе.

– Это как раз и есть правильный метод! – настаивал гео-

лог. – Радикальные изменения любого рода всегда опасны. Единственный безопасный метод – улучшать то, что уже есть.

– Предположим, – заметил Билли, – предположим, что правительство станет настолько основательно стабильным, что его уже нельзя будет усовершенствовать?

– Тогда оно становится несменяемым.

– Если его не свергнут.

Доктор с улыбкой вмешался.

– Позвольте мне закончить и выкинуть это из головы. По их собственному признанию, главная функция комиссии – держать большинство в неведении, которое, как говорят, то же самое, что блаженство. Этот человек, Эрнол, и его жалкий бунт лишь подтверждают это правило.

– Одним словом, капелланцы довели принцип улучшения, а не реформы, до логического конца. Дальше они идти не могут.

– А почему нет? – спросил Ван Эммон. – Потому что на Капеллетте, как и в других местах, выживают сильнейшие. Эти члены комиссии – самые приспособленные.

Доктор сурово кивнул.

– Верно, Ван. Но я хочу сказать, что члены комиссии положили конец процессам эволюции. Они не допускают прогресса. Они остановили все это столетие назад.

– Друг, Капеллетта – это мир, который сдался. Он сдался!

Глава VIII. Высший свет

В следующий раз, когда Билли вошла в телесознание через сорок восемь часов, она обнаружила, что "прибыла" в самый разгар разговора. Ей рассказывали о мире.

– Я взяла трубку, – говорил кто-то, – и мистер Поварт четко сказал, что будет здесь в течение часа. [Сноска: слово "час" употреблено с большой натяжкой. Конечно, капелланский час может иметь совершенно иную продолжительность, чем наш].

– Полагаю, это не повредит, – ответила хирург, которую Билли теперь знала как Мону. – Да, осмелюсь добавить, что это даже к лучшему.

– А есть ли какие-нибудь причины для этого, дорогая? – спросила другая собеседница, женщина средних лет, роскошно одетая, с явно выдающейся внешностью.

– Нет, мама, – ответила девушка, – не то чтобы он хотел. Но мистер Форт тоже приезжает сегодня.

Женщина постарше не увидела в этом ничего тревожного.

– Я рада это слышать. Он произвел на меня впечатление очень милого мальчика, хотя и довольно импульсивного.

– Вы не понимаете. Мне будет очень неловко. Мистер Форт предупредил меня вчера вечером – конечно, в шутку, но по-моему, он говорил серьезно, – что намерен сделать предложение сегодня.

На лице матери промелькнуло беспокойство. Некоторое время она молчала. И пока сознание Моны было занято мыслями, которые Билли не могла постичь, ее подсознание безошибочно воспринимало все, что видели ее блуждающие глаза.

Капелланцы сидели на террасе большого красивого дома, архитектуру которого Билли условно отнесла к полумавританской. Окинув взглядом окружающую территорию, Мона сообщила Билли, что дом стоит на холме, высоко на гребне огромной горной гряды. Похожие дома усеивали пейзаж, видневшийся сквозь массу листвы. Это была именно то место, которое выбрала бы сама Билли.

Затем взгляд вернулся к матери, которая сказала:

– Может быть, дорогая, ты предпочтешь, чтобы я сообщила мистеру Форту о твоей помолвке?

Она смотрела на дочь, словно ожидая, что та откажется от этого предложения. Именно так и поступила кардиолог, гордо вскинув голову.

– Спасибо, но я не могу допустить, чтобы он подумал, что у меня не хватит духу сказать ему об этом самой.

Она извинилась и пошла в дом, проходя комнаты так быстро, что Билли почти ничего не успела заметить, кроме того, что дом просто кишел людьми в ливреях. Однако, оказавшись в комнате Моны, Билли обнаружила, что металлическая мебель – это общее правило; что на окнах нет сеток [Сноска: Капелланцы, похоже, полностью искорени-

ли все виды насекомых, кроме тех, что приносят человеку непосредственную пользу], и что кровать расположена очень близко к полу. В остальном комната была похожа на все остальные.

Одежда Моны очень заинтересовала Билли. Все без исключения наряды были без юбок, а большая часть костюмов состояла из одного целого. Головные уборы ограничивались кепками, которых у Моны было великое множество, а из обуви она носила только высокие сапоги на шнуровке или туфли. Билли была уверена, что все они были из кожи.

С помощью не менее четырех горничных, все из которых были очень красивыми девушками, Мона переделась в одежду из блестящего коричневого материала, похожего на шелковый бархат, но с гораздо более длинным ворсом, чулки с узором под гольфы и черные туфли. Затем она принялась внимательно осматривать себя в зеркале.

Билли убедилась, что оценка Смита "не старше тридцати" была достаточно точной. Девушка была еще молода лицом, хотя ее тело было удивительно крепким. И еще Билли заметила, что тонкость ее черт не пострадала при близком рассмотрении.

Наоборот, ее утонченность стала еще более поразительной. Возможно, именно высокий изгиб бровей делал ее лицо патрицианским, а также чувствительность ноздрей. В ее глазах не было ничего холодного, они были абсолютно темно-карими, большими и глубокими. А губы были отнюдь не

надменными, а темно-красными, с пикантно вздернутыми уголками. Однако вся ее походка говорила о том, что она аристократка, но очень милая.

Когда она отвернулась от зеркала, со стороны входа в дом послышался смех. Билли сразу же узнал голос Форта. Мона окончательно уложила волосы и вышла на террасу.

– Как поживаете? – прохладно спросила хирург, взяв протянутую Фортом руку.

И снова Билли больше заинтересовала серая кожа летного костюма мужчины, так хорошо сочетающаяся с его прекрасной мускулатурой, чем его стандартный ответ. В следующий момент мать Моны сказала:

– Я пыталась поблагодарить мистера Форта за то, что он сделал вчера. Это был удивительно смелый поступок!

– Действительно, это было так, – с чувством сказала Мона. – И все же, как я ни старалась вчера вечером, мне не удалось заставить его понять, что это было что-то необычное, мама.

– Ну разумеется, – беспечно возразил атлет. – В этом не было ничего смелого. Смелым можно быть только тогда, когда боишься, а я не боялся. Я не могу поставить себе это в заслугу.

– Вы хотите сказать, – спросила Мона, – что никогда не боитесь?

– Нет, если я нахожусь в воздухе.

На минуту воцарилось молчание, и Билли снова с поль-

зой для себя использовала взгляд Моны. Форт, безусловно, был симпатичным парнем, хотя и несколько неопрятным в некоторых деталях своего костюма. Он был из тех, кто лучше всего выглядит в несколько растрепанном виде, как бы то ни было. Что касается лица – большой, красиво изогнутый рот, слегка римский нос, глаза, такие же большие, как у Моны, но в отличие от ее карих, они были голубыми. Решительно, на него хотелось смотреть снова и снова. Большинство смельчаков имеют резкие черты лица, Форт же был добродушен. В его смелости было что-то положительно обнадеживающее.

Вскоре мать упомянула радикала Эрнота; похоже, эти люди были в частном порядке проинформированы о том, что Поварт скрывает от рабочих. Форт сказал:

– Я очень испугался, когда узнал об этом. Если к философии этого парня прислушаются, то нам всем, возможно, придется работать, чтобы зарабатывать на жизнь!

Его смех раздался громче остальных; затем он вспомнил о работе Моне.

– О, я совершенно забыл, честное слово.

– Не стоит об этом, – шутливо ответила хирург. – Я должна сказать вам, что эта моя служба в значительной степени маскировочная. Я принадлежу к Бригаде Иллюзий.

Форт был сильно удивлен.

– Вы – доброволец?

– Совершенно верно. Всегда должен быть кто-то из нашего класса, к кому люди могут обратиться, если у них возник-

нет подозрение, что мы не демократичны. Кроме того, мне всегда нравилась хирургия.

Она вкратце рассказала о своей работе.

– Да вы известная личность! – заявил спортсмен. – Мне стыдно перед вами, я ведь ничего не делаю, только развлекаюсь.

– Что вполне нормально, мистер Форт, – заверила его мать. – Я изо всех сил старалась не впутывать Мону в это дело, я планировала вывести ее в свет. Но она решила заняться хирургией, так что...

Остальное она оставила воображению Форта.

Через минуту Билли услышала звук приближающейся аэромобили. Вскоре машина оказалась достаточно близко, чтобы она смогла разглядеть, что она очень похожа на яхту, выкрашенную в белый цвет и имеющую очень высокие мачты. Полотнище уже было развернуто, и судно опускалось под управлением необычайно мощных крыльев.

– Это служебная яхта мистера Поварта, – пояснила Мона Форту.

Судно мягко приземлилось на краю лужайки, в некотором отдалении. Все трое на террасе не тронулись с места, когда Поварт в сопровождении восьми человек в форме стремительно спустился по короткой лестнице и быстро зашагал к дому. Восемь охранников, каждый из которых имел при себе коричневый кожаный футляр, похожий на кинокамеру, заняли неприметные позиции неподалеку. Однако эти футля-

ры не предназначались для фотосъемки, Билли посчитала их чем-то вроде уменьшенных скорострельных пистолетов.

Не успел Поварт приблизиться на расстояние вытянутой руки, как Мона наклонилась к Форту.

– Это мой жених, – с явным усилием произнесла она, а когда выпрямилась, ее руки дрожали.

Форт воспринял это на удивление спокойно. Он скрыл любой намек на свои чувства, когда ему представили председателя. Поварт бросил на него один пронизывающий взгляд, затем подошел в своей твердой, уверенной манере и взял обе руки девушки в свои. Она осталась сидеть на своем месте.

– Я очень рад, что вы так хорошо выглядите. Вы чувствуете себя полностью восстановившейся, Мона?

– Да, спасибо, – прохладно ответила она. – Наверное, я должна сказать, что благодаря мистеру Форту.

Поварт обратил свой острый взгляд серых глаз на спортсмена.

– Если я могу хоть как-то показать вам, как я ценю это...

Форт энергично махнул рукой.

– Подождите, пока я сделаю что-нибудь, что будет стоить мне настоящих усилий!

Что-то в его голосе насторожило председателя. Он внимательнее присмотрелся к спортсмену, и Билли почувствовала, что сравнивает их. Они оба были крупными парнями, но в остальном не было никакого сходства. Один из них был темноволосым, а другой – блондином; кроме того, он был

несколько тяжелее Форта и принадлежал к тому типу людей, которые должны быть всегда безукоризненно одеты. Его внешность была обусловлена четкими линиями лица, строгими глазами и сильным ртом.

Если один был импульсивным, то другой – спокойным. Форт любил рисковать, другой не действовал, пока не был абсолютно уверен. Билли решила, что из них двоих он был более твердым, более надежным, а также наименее симпатичным, именно по этой причине. Непогрешимость – страшная вещь.

Мать встала с какой-то репликой о том, что надо бы пойти в сад, и Форт предложил свою руку. Поварт воспринял их уход как нечто само собой разумеющееся и продолжал стоять, он редко садился, прямо напротив Моны.

– Я надеюсь, – сказал он в своей непринужденной манере, – что вы сможете догадаться надеть вот это, – и он достал из внутреннего кармана небольшой футляр из синего бархата.

И в следующее мгновение Билли, заглянув, так сказать, через плечо Моны, увидела кольцо из какого-то молочно-белого металла с одним овальным камнем кроваво-красного оттенка. При виде его хирург испустила слабый вздох.

– Подкуп и корысть! – воскликнула она и стала надевать кольцо на средний палец левой руки. Но не успела она это сделать, как остановилась.

– Чуть не забыла.

Она бросила на Поварта косой взгляд.

– Вчера вечером я все обдумала, и... Ну, вы же знаете, как женщины меняют свое мнение.

– Уверен, что вы не изменили полностью свое мнение обо мне? – спросил он скорее недоверчиво, чем озабоченно.

– Нет, просто мне нужно больше времени, чтобы все обдумать, вот и все. Не то чтобы я думал о вас меньше, чем раньше, но почему-то после такого близкого знакомства я не так убеждена в своей способности оправдать ваши ожидания.

Это было сказано так, как будто она заранее это сформулировала.

Поварт не проявил особого беспокойства.

– Конечно, мне очень жаль, но, возможно, это и к лучшему. Не сомневаюсь, что вскоре вы убедитесь в этом так же ясно, как и в тот день.

Он сделал паузу, пока девушка медленно протягивала ему кольцо.

– Почему бы не надеть его, Мона?

– Я бы предпочла не надевать его, пока не буду уверена. Но это ужасное искушение!

И Поварту ничего не оставалось, как отразить ее улыбку своей, а маленький футлярчик тихонько положить обратно в карман.

Почти тем же движением он достал часы.

– Вы должны меня извинить. Как обычно, государственные дела.

– Конечно, – ответила она, поднимаясь.

Она бросила быстрый взгляд вокруг, затем игриво показала головой, когда Поварт сделал один нетерпеливый шаг к ней.

– В следующий раз, – сказала она; он поджал губы, крепко сжал ее руку и зашагал прочь. Через минуту он и его охранники вернулись на яхту, а еще через три минуты исчезли из виду.

К этому времени вернулись Форт и мать Моны. Между ними произошел быстрый обмен взглядами, после чего мать извинилась и ушла в дом. Форт вдруг почувствовал себя неловко.

– Что ж, мне пора идти.

Он сделал паузу; в его глазах мелькнул лукавый блеск – что-то вроде финальной реплики.

– В следующий раз, когда я буду спасать вас, юная леди, я позволю вам пострадать гораздо сильнее, чтобы у меня был повод почаще навещать вас, нежели я это делал до сих пор!

Его лицо быстро протрезвело.

– Я чуть не забыл. Могу я поздравить вас с помолвкой? Мистер Поварт – очень приятный человек.

– Благодарю вас; так оно и есть. Правда, в последнее время я стала сомневаться, достаточно ли я хороша для него.

Затем, многозначительно добавила:

– Помолвка откладывается на неопределенный срок. Не исключено, что я могу от нее вообще отказаться.

Форт секунду недоверчиво смотрел на нее, потом понял, что она говорит серьезно. Кровь бросилась ему в лицо, и он побелел и затрясся от волнения. Он сделал резкое движение к девушке и так же неожиданно для себя остановился.

– Что ж!

Его обычно непринужденная речь чуть не подвела его. Но он рассмеялся так же дерзко, как и прежде.

– Я убежден, что вы еще далеко не здоровы, мисс Мона! Я буду вынужден приезжать к вам почаще!

И с коротким, но очень напряженным взглядом, полным глубокого смысла, он повернулся, нахлобучил на голову фуражку, бросился к своей машине и исчез.

Глава

IX

. Мир застоя

Смит проник в сознание своего капелланского агента в тот момент, когда тот был явно не на службе. На самом деле инженер "Кобулуса" в это время наслаждался необыкновенно хорошим фотофильмом.

Смит пришел слишком поздно, чтобы увидеть начало картины, но она показалась ему более или менее обычной драматической постановкой. И некоторое время его интересовала главным образом удивительно четкая съемка, естественная цветопередача и стереоскопический эффект, который доктор уже успел заметить благодаря молодому Эрнюлю. Смит почти не обратил внимания на прекрасную музы-

ку, звучащую из какого-то динамика.

А потом картина закончилась, и началась фарс-комедия. Это была необычайно остроумная вещь, практически без сюжета; впоследствии Смит не смог описать ее с точностью. Однако миссис Кинни, спускавшаяся по лестнице, отчетливо слышала, как он смеялся так, что казалось, его бока вот-вот лопнут.

Когда картина закончилась, человек Смита встал и вышел из дома; на улице он взглянул на часы и устроился поудобнее возле тротуара, как часто делал Смит в молодости. Капелланец, похоже, знал многих из тех, кто выходил из театра, а Смит тем временем обратил внимание на нечто чрезвычайно важное.

В театре не было ни одной рекламы, кроме единственной доски объявлений, похожей на табло кафетерия. Более того – и это главное – здесь не было ни касс, ни людей, принимающих билеты.

Заведение было открыто для всех желающих. Оно находилось на очень оживленной улице в, казалось бы, небольшом городе, но, судя по всему, сюда мог зайти любой желающий.

"Бесплатные развлечения, – подумал Смит, – чтобы радовать девушек".

Вскоре его агент перешел улицу, которая показалась ему очень похожей на улицу любого города на Земле, за исключением того, что здесь было удивительно мало шума. Воз-

можно, это объяснялось полным отсутствием трамваев и вообще наземной техники. Конечно, пространство между тротуарами использовалось не иначе как для парковки летающих машин. В зданиях располагались разнообразные магазины, причем все они были построены с размахом. Мелких магазинов не было вообще.

Агент Смита быстро нашел свой летательный аппарат – небольшой двухместный орнитоптер, окрашенный в серо-голубой цвет – кстати, любимый цвет Смита, – и через минуту-другую он уже летел по воздуху. Смит имел возможность наблюдать с близкого расстояния искаженное S-образное движение крыльев аппарата. Но полет продолжался всего несколько минут, и вскоре аппарат снова находился в состоянии покоя.

На этот раз он был припаркован под огромным длинным навесом, который, как потом увидел Смит, на самом деле был балконом, расположенным на одном из десяти ярусов. Напротив стояло большое здание, похожее на автобазу, над крышей которого Смит увидел огромную громаду дирижабля.

Это был, разумеется, "Кобулус", и именно тогда, когда агент Смита проходил через зал регистрации, его имя прозвучало впервые. " Все в порядке, Реблонг", – так прозвучало из уст сотрудника, пробивавшего его табель. И Реблонг, за которым Смит внимательно наблюдал, направился прямо через люк в борту огромного корабля, а затем по коридору

в машинное отделение.

У Смита было мало возможностей для изучения механизмов. Реблонг окинул все одним взглядом, затем подошел к невысокому чернобородому парню, стоявшему у приборной доски.

– Все как обычно, мой друг?

У него был приятный голос, как впервые заметил Смит.

– Да, как обычно!

Голос мужчины был наполнен горечью.

– Именно это и есть проблема! Никогда нет никаких улучшений, всегда все как обычно! Скажите, Реблонг, не обижайтесь, но я думаю, что мы дураки, раз миримся с тем, что нам дают!

Человек Смита уверенно уселся перед приборами.

– Лично я думаю, что мы не дураки, а просто везунчики.

– Везунчики! – фыркнул второй мужчина. – Хотел бы Эрнол услышать, как ты это говоришь! У него бы случился припадок!

Реблонг ничуть не смутился.

– Кстати, а что стало с этим парнем? Я его уже несколько недель не видел?

– Точно не знаю, – с некоторым беспокойством ответил парень. – Он вернулся в Каластию, и это последнее, что я о нем слышал.

– Каластия? Вчера вечером я видел в газете заметку о том, что Каластия находится на карантине. Все информационные

сообщения прерваны.

Мужчина мгновенно почувал беду.

– Карантин! Почему это должно быть причиной того, что новости прерваны? Тут дело не только в карантине, Реблонг! – и он начал возбужденно расхаживать по комнате. – Я еще раз скажу – мы глупцы, если верим всему, что говорит нам комиссия. По-моему, они уже достаточно долго морочат нам голову!

Реблонг подавил зевок.

– Мне все равно, старина. Я готов оставить им право управлять государством.

– А вот в этом-то и дело! – вскричал другой. – Ты и все остальные, кроме тех, кого учил Эрнол, считают, что комиссия дана Богом и не может сделать ничего плохого!

– Да? – вежливо ответил тот. – Может быть, и так; только нельзя винить нас за то, что мы очень высокого мнения о правительстве, которое действует следующим образом.

Реблонг перечислял пункты на пальцах, не сводя при этом пристального взгляда со своего собеседника:

– Оно покончило с торговлей спиртным, полностью защитило женщин в промышленности, покончило с детским трудом, ликвидировало бедность, упразднило войну и, – с большим акцентом для такого спокойного человека, – обеспечило тебе, мне и всем остальным прекрасное бесплатное образование!

Манера Реблонга, сама по себе подчеркнутая, произвела

эффект, заставивший собеседника внезапно остыть.

– Правильно, я признаю это. И в то же время я хочу показать вам, что комиссия добилась всего этого не столько ради нашего блага, сколько в интересах капиталистов.

– Они ввели запрет, потому что пьянство вредит бизнесу, никакой другой причины, Реблонг! И поэтому женщин тоже защищают; защищенная, довольная женщина приносит хозяевам лучшие дивиденды, чем та, которая работает до полусмерти.

– Использование детского труда также не окупается – в конечном счете это приводит к несчастным случаям и снижению производительности, а значит, и к снижению прибыли. Бедность тоже не оправдала себя: из бедных людей не получают эффективные работники". Война была упразднена, Реблонг, не из гуманных побуждений, а потому, что мир приносил более высокую прибыль и меньше расходов.

– А что касается нашего обязательного образования, – он презрительно щелкнул пальцами, – что оно из себя представляет? Да вот что: хозяевам не выгодно допускать неграмотность! Образованный рабочий приносит больше дивидендов, чем невежественный. Вот и все, Реблонг! Не обманывай себя, думая, что комиссия сделала все это для твоего блага! Не думаю!

– Может быть, вы и правы, – согласился Реблонг. – Что касается меня, то мне совершенно безразлично, какими мотивами руководствовалась комиссия. Я доволен!

Другой мужчина посмотрел на него с отвращением.

– Доволен! Только потому, что тебе гарантирован доллар в час и пенсия в шестьдесят лет! Доволен, когда половина прибыли компании уходит владельцам, ни один из которых никогда в жизни не работал! Кучка людей, которые только и делают, что просаживают заработанные нами деньги и тратят за день больше, чем мы за месяц!

– На здоровье, – с безразличием прокомментировал Реблонг. – Если бы я заработал все то, что, по вашим словам, мне полагается, я бы, наверное, все равно сгубил себя роскошной жизнью.

– Вы же не хотите сказать, что согласились проглотить эту древнюю глупость! – недоверчиво сказал чернобородый парень.

– Я не вижу в этом никакой глупости. Как мне кажется, хозяева оказывают нам настоящую услугу. Они не только снимают с наших плеч бремя избыточных доходов, но и безвозмездно управляют нашим правительством.

– Ну, будь я проклят!

Другой парень выглядел так, как будто его слова не были достаточно убедительными.

– Никогда не думал, что взрослый человек может продолжать верить в то, чему нас учили в детстве! Неужели ты никогда не думаешь сам, Реблонг? Посмотри сюда!

Он подошел ближе и заговорил со старательной четкостью, как будто обращался к ребенку.

– Комиссия, вместо того чтобы уверять нас, что повышение зарплаты нас погубит, могла бы с таким же успехом учить нас разумно тратить деньги! С таким же успехом, Реблонг! А что касается детского труда, то детей надо держать подальше от промышленности, пока им не исполнится двадцать, а не шестнадцать лет! Каждый из нас должен получать высшее образование, а не только дети богатых! И все это тоже можно сделать. Нет ни малейшей причины, по которой мы должны позволить этой кучке паразитов в Хафене наживаться на нас! Заставьте их работать, как мы с вами, и облегчите нам всем жизнь!

– Но, – возразил Реблонг, немного расстроенный, – владельцев не так много. Они не смогут помочь.

– Но их слуги могли бы. Вы знаете, что в среднем на каждую семью богачей приходится десять слуг? Слуг, которые только и делают, что упрощают жизнь тем, кто и так все захапал!

– Ну, а если бы они все пошли работать, кто бы управлял нашим правительством за нас, мой друг?

– Кто! Если мы можем работать, то, думаю, мы сможем и управлять, Реблонг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.